

МИФЫ О РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ON-LINE

Валерий Ефремов

*Российский государственный педагогический университет им.
А. И. Герцена – Санкт-Петербург (Россия)*

Резюме. В статье рассматриваются те новые тенденции и особенности русского языка и речи, которые обусловлены влиянием гибридного по своей сущности (устно-письменного) интернет-языка: от изменения графики (транслит, эрративы) до словообразовательных и лексических инноваций. Отдельное внимание уделено вопросам новых коммуникативных тактик и стратегий, а также нетикету.

Keywords: Internet language; translit(eration); errativs; lurkoyaz; netiquette

Общим местом лингвистических исследований интернет-пространства стало утверждение о гетерогенной природе языка в новой, электронной форме его существования: это речь *de jure* письменная (в плане выражения), но *de facto* устная (в плане содержания и, что более важно, в ходе развертывания практически любого текста, априори тяготеющего к диалогизации). Более того, развитие русского языка в интернете подвергается тем же законам, что и развитие любого языка в естественных условиях его обитания, например, в русском интернет-языке уже можно найти некие страты, типологически напоминающие социальные и даже территориальные диалекты.

Особый интерес представляют те изменения в современном русском языке и речи, которые обусловлены именно электронной коммуникацией как плацдармом разнообразного рода лингвистических инноваций. Зачастую именно с этими трансформациями и связан один из самых распространенных мифов о современном русском языке – миф о его (смертельной) серьезной болезни и неминуемой скорой смерти.

1. *Графика.* Одним из самых заметных влияний виртуальной действительности на взаимоотношения современника с родным языком становится активизация в электронной и интернет-коммуникации транслита – стихийно сложившегося и некодифицированного использования латинского алфавита для передачи русского языка типа смс: *ya sej4as na parax* (иной вариант – *ya sejchas na parah*) или *Privet,tysegodnyaochenyanat?* В связи с тем что значительную часть времени горожане младше 45-50 лет проводят за текстингом

(Meshkova, 2012) – обменом текстовыми сообщениями с помощью телефонов и других мобильных устройств (в виде смс или сообщений в таких программах, как WhatsApp, Viber, iMessage, Telegram и др.), не удивительным становится тот факт, что и в переписке в социальных сетях или на разнообразных форумах современник зачастую пользуется («для краткости», «для скорости», «по привычке») латинской графикой.

Более того, не может не вызывать беспокойство сформировавшаяся в Болгарии и Сербии (официальный алфавит государственных языков которых – кириллический) тенденция в частной переписке (особенно в смс) пользоваться преимущественно латиницей. В этом смысле в качестве одной из нарастающих выглядит следующая тенденция: «транслит чаще появляется в таких сферах, как электронная почта, социальные медиа и комментарии на новостных сайтах, и наоборот – вряд ли мы обнаружим транслит на сайте, к примеру, государственного учреждения. Тексты, написанные транслитом, будут короче по размеру и более личными по содержанию, чем написанные кириллицей» (Paulsen, 2014: 134). Представляется, что в будущем русскоязычное общество может попасть в ситуацию графической диглоссии: частная переписка будет вестись транслитом, на основе латиницы, а официальные документы будут публиковаться на кириллице.

Отдельный тип трансформации графики, влияющий на язык и речь современника, – это эрративы (термин введен в работе (Guseynov, 2005), т. е. слова или словосочетания, нарочно искаженные носителями литературного языка с целью создания того или иного (прежде всего, комического) эффекта. Будучи первоначально исключительно элементом письменного, пусть и используемого в интернет-среде языка, эрративы вышли и в устную речь: автору неоднократно приходилось слышать из уст не только молодых, но и лиц среднего возраста в нарочито выделенном произношении такие восходящие к языку падонкафф единицы, как *блондинк[о]*, *зайч[ег]*, *красавч[ег]*, *с[о]м[о]на*, *[исчо]* (ещё). Иными словами, на наших глазах формируется мода произнесения слов вслед за их исковерканным графическим обликом. Пока еще подобного рода эрративизированные формы воспринимаются как экзотизмы в речи продвинутых интернет-пользователей и представителей определенных субкультур, однако нельзя отрицать влияние данной тенденции и на словесность: так, в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) уже зафиксированы *аццкий*, *красавчег* и *моск* (мозг), например. Востребованность эрративов подтверждается и рекламной компанией одного общероссийского развлекательного телеканала, которая была запущена 1.10.2013 и содержала во всех своих «позитивных» слоганах искаженные написание типа *радоваЦа*, *жениЦа* и даже *хохотаЦА*.

2. *Словообразование*. Основная особенность электронных текстов разных жанров и форм, как и современных языков вообще, – это компрессия всего и вся. (Кстати, именно по этой причине в том числе, современник так лег-

ко пренебрегает пунктуацией в интернете!) На словообразовательном уровне компрессия проявляется как минимум в двух вариантах: (1) аббревиатуры и (2) усечения разного типа.

Как известно, аббревиация – это способ словообразования, который получил особую популярность именно в XX в., и язык интернета, казалось бы, лишь продолжает наметившуюся ранее тенденцию, однако есть один серьезный нюанс: никогда в доинтернетовскую эпоху в русский язык не входило такое обилие иностранных аббревиатур, прежде всего из английского языка: *DVD, IT, GPRS, sms, pdf, djvu* и так далее. Более того, засилье англоязычных текстов и низкая культурная грамотность журналиста может привести к показательной ошибке – контаминации английской и русской аббревиатур: «Минск старше Москвы, но, увы, во время *II BOB* город потерял более 80% застройки» (*Aeroflot World* № 8, 2014: 75). Мало того, что в русской истории не было двух Великих Отечественных войн, так и в русском языке нет аббревиатур, схожих по структуре с английской WWII или WWI.

В отличие от аббревиации, усечение не самый продуктивный способ словообразования в русском литературном языке, но не в субстандарте. В этом смысле нет ничего принципиально нового в таких сокращениях и усечениях, как широко известные *здрте, щас, ЗИ* (PS), *с д/р* (с днем рождения), *с ч/ю* (с чувством юмора). Из разнообразных форм электронной коммуникации, прежде всего, из текстинга, пришли *лю* (люблю), *тлф* (телефон), *встр* (встретиться), *ск?* (сколько) и мн. др. Однако влияние этого телеграфного стиля сказывается уже и на устной речи, в которой можно услышать *спс, пж-лста* или (гораздо чаще) английские сокращения *имхо* (от англ. *IMHO, In My Humble Opinion* ‘по моему скромному мнению’) и *лол* (от англ. *laughing out loud* ‘громко, вслух смеясь’), которые, кстати, также уже зарегистрированы в НКРЯ, пусть пока исключительно в материалах интернет-форумов.

3. *Лексика.* Электронная коммуникация оказывает прямое влияние на лексический состав современного русского языка разными способами. Во-первых, в активный обиход стремительно входят слова, связанные с реальностью социальных сетей: *лайк(ать), (за/рас)френд(ить), френдоцид, (за)банить, троллить, (ре)постить, камменты, под катом* и мн. др.; более того, эти и подобные им слова начинают жить уже и за пределами интернета: практически все их можно услышать в разговорной речи в переносном, метафорическом значении и в отрыве от электронной коммуникации. Сюда же можно отнести возникшее первоначально на письме, а теперь используемое и в разговорной речи междометие *Ахах* (иногда в другом графическом исполнении – *ах-ах, аххах, ахаха, ахахаха*) в значении ‘возглас выражения эмоций, довольно часто – смеха’, употребляемое для усиления эмоциональной окраски, например: «Смешно до упаду, аххах!», «Время пять утра ахах одной мне не спится», «Аххах, лол!», «Аххах вот это тоже ниче» и т. д.

Во-вторых, интернет-культура создает огромное количество новых слов, отражающих реалий тех или иных субкультур, которые возникли в интернете и зачастую только в нем и существуют. Примером может послужить язык упячка, особенно популярный в конце 2000-х (<http://upyachka.ru/>), лексика которого строилась по принципу агрессивной какофонии с преобладанием шипящих (*бжыбжа, пыць-пыць*). Основной вклад упячки в интернет-язык (помимо создания широкоизвестных мемов типа *котэ* и *Онотоле*) – это сознательное разрушение облика слова и стремление к его семантическому выхолащиванию. Иначе говоря, в упячке слова перестают быть словами, а служат лишь своеобразной опорой для восклицательных знаков и анимированных картинок.

В-третьих, представляется, что во многом консолидирующую функцию для создания лексического пространства рунета выполняет язык луркоязы (<http://lurkmore.to>), хотя не все исследователи согласны с его статусом самостоятельного языка (Kronhauz, 2013:13). Среди основных черт луркоязы можно назвать следующие: обильное использование матизмов, оскорбительно-сатирическая форма подачи материала, нарочитое смешивание прецедентных феноменов разных суб- и лингвокультур, макаронизмы различного рода, стилистические контаминации, облигаторное наличие *лулзов* ('жестokie приколы'), особые сленгизмы и даже словообразовательные модели (ср. гиперактивное использование сложных слов с начальным формантом *быдло-*, например – *быдло-гей, быдлогон*) и др. Более того, в этом языке существует не только собственный лексический и фразеологический фонд (*доставляет, алсо, лолито; чуть более, чем полностью; люто, бешено ненавижу; православие головного мозга*), но и своеобразная эрративная грамматика (ср. *анонимус доставляет; копипаста по теме*). И вновь следует отметить, что популярность этого ресурса и языка, на нем представленного, столь велика, что большое количество его единиц активно проникает в речь современных горожан молодого и среднего возраста.

4. *Коммуникативные тактики и стратегии.* Новые формы общения привели к тому, что в интернете возникают специфические, еще не до конца устоявшиеся формы взаимодействия людей. Так, например, выделение на письме слова или целого предложения капсом (от названия клавиши Caps lock, обеспечивающей набор текста заглавными буквами) оценивается на ряде форумов как крик, а не проявление положительной аффектации, и поэтому строго запрещено. Более того, иногда стороннему зрителю те или иные коммуникативные ходы могут показаться лишенным какой-либо логики: так, «система оценки постов и комментариев к ним устроена в Фейсбуке таким образом, что выражение «мне нравится» может использоваться в негативном контексте, обозначая лишь солидаризацию с позицией автора» (Plisetskaya, 2014: 86).

В связи с неопределенным характером электронной коммуникации, все-таки обладающей серьезной спецификой, уже с середины 1980-х гг. в сети возникают попытки описать своеобразный кодекс поведения интернет-пользователя, который получил название нетикет (от англ. net 'сеть' + этикет; синонимы: *сетикет*, *сетевой этикет*) – правила поведения, общения в сети, традиции и культура интернет-сообщества, которых придерживается большинство.

Наиболее распространенный свод этих правил был создан в 1994 г. в виртуальной сети Netiquette и включает в себя список из десяти основных правил общения, в том числе: «Правило 1: Помните, что Вы говорите с человеком; Правило 2: Придерживайтесь тех же стандартов поведения, что и в реальной жизни; Правило 3: Помните, в какой части киберпространства Вы находитесь: нетикет может меняться от ресурса к ресурсу. <...> Правило 8: Уважайте право на частную переписку; Правило 9: Не злоупотребляйте своими возможностями; Правило 10: Учитесь прощать другим их ошибки» (Ritorika, 2013: 383).

Как видно из приведенного списка, вопреки уникальности электронной коммуникации, отношения между людьми все равно продолжают подчиняться общечеловеческим морально-нравственным представлениям, несмотря ни на какие изменения в области общения или в современном языке. И мифы о порче и смерти русского языка, даже и через онлайн, пока явно преувеличены.

REFERENCES/ЛИТЕРАТУРА

- Guseynov, G. (2005). *Berloga vebloga: Vvedeniye v erraticheskuyu semantiku* // http://speakrus.ru/gg/microprosa_erratica-1.htm. [Гусейнов, Г. (2005). *Берлога веблога: Введение в эрратическую семантику* // http://speakrus.ru/gg/microprosa_erratica-1.htm.]
- Kronhauz, M. (2013). *Samouchitel' olbanskogo*. Moskva: AST. [Кронгауз, М. (2013). *Самоучитель олбанского*. Москва: АСТ.]
- Meshkova, L. (2012). Texting kak yavleniye sovremennoy kul'tury. *Izvestiya PGPU im. V. G. Belinskogo*. № 27. [Мешкова, Л. (2012). Текстинг как явление современной культуры. *Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского*. № 27.]
- Paulsen, M. (2014). *Translit – novaya orfografiya russkogo yazyka*. Russkiy yazyk i novyye tekhnologii. Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye. [Паульсен, М. (2014). *Транслит — новая орфография русского языка*. Русский язык и новые технологии. Москва: Новое литературное обозрение.]
- Plisetskaya, A. (2014). *O yazykovykh i ritoricheskikh strategiyyakh vyrazheniya otsenki u pol'zovateley sotsial'noy seti Facebook*. Sovremennyyi russkiy yazyk v Internetе. Moskva: Yazyki slavyanskikh

- kul'tur. [Плисецкая, А. (2014). *О языковых и риторических стратегиях выражения оценки у пользователей социальной сети Фейсбук. Современный русский язык в Интернете*. Москва: Языки славянских культур.]
- (2013). *Ritorika: uchebnik dlya bakalavrov* / V. A. Efremov (i dr.). Moskva: Yurait. [(2013). *Риторика: учеб. для бакалавров* / В. А. Ефремов (и др.). Москва: Юрайт.]

MYTHS ABOUT RUSSIAN LANGUAGE: ON-LINE

Abstract. The report is devoted to some new trends and patterns of the contemporary Russian language and speech, which occur from the hybrid status of the Internet language, from the change graphics (translit, errativs) to the word-formation and lexical innovations. Special attention is paid to analyses of new communication tactics and strategies, as well as netiquette.

✉ **Prof. Valeriy Efremov, DSc.**

Russian Language Department
Herzen State Pedagogical University of Russia
Saint Petersburg, Russia
E-mail: valef@mail.ru